

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ПРАВОМЕРНОСТЬ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ, НОРМАТИВНЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

© 2013 г. Людмила Николаевна Тарасова¹

Краткая аннотация: все заметные события в мировой политике и международных отношениях измеряются через критерии правомерности, которые базируются на международно-правовых принципах и нормах. В настоящем исследовании анализируются основные подходы в отечественной и зарубежной правовой доктрине применительно к категории правомерности.

Annotation: all significant events in world policy and international relations are measured by a criteria of legality, which are based on international legal principles and norms. The main approaches in Russian and foreign legal doctrine dealing with category of legality are analyzed in this thesis.

Ключевые слова: легитимность, законность, международное право, глобальное управление, международные организации.

Key words: legitimacy, legality, international law, global governance, international organizations.

Все заметные события последнего времени, происходящие в международных отношениях и в мировой политике, измеряются преимущественно критериями правомерности. В рамках такого измерения проверяются действия или бездействие основных субъектов международных правоотношений, вовлеченных в конкретные ситуации, на предмет их соответствия принципам и нормам современного международного права.

Проблема правомерности, например, находится в центре внимания как при обсуждении вопросов, связанных с проведением военных операций в рамках или вне мандата ООН, так и при оценке институциональной легитимности ООН, наделенной полномочиями² осуществлять функции универсального регулирования международных отношений.

В начале XXI в. в повестке дня международных учреждений проявляют себя новые вопросы, такие как: обозначение института правомерности в рамках современного международного права. Соответственно, ставится задача определения значимости международного права в деле поддержания верховенства права в международных отношениях.

Несмотря на повышенный интерес международного сообщества к проблеме правомерности

в системе современных международных отношений, научные разработки теоретических аспектов правомерности, выявление сущности и нормативного содержания института правомерности в свете современного международного права и справедливости³ по-прежнему остаются слабо разработанными. Не менее актуальным остается выяснение концептуальных аспектов института правомерности (включая все отрасли) современного международного права как системы нормативного образования, регулирующей многообразные международные правоотношения.

Термины “правомерность” и “правомерный” являются ключевыми в юриспруденции наряду с такими базисными категориями, как “право” и “правовой”. Однако ученые-правоведы трактуют их по-разному.

В рамках внутригосударственного правопорядка правомерность определяется как соответствие деятельности или результатов деятельности субъектов права требованиям и дозволениям, содержащимся в нормах права конкретного государства. При таком подходе под правомерностью понимается соответствие нормам права, закону, иными словами – законность⁴. Другие ученые-правоведы рассматривают понятие “правомерный” как сино-

¹ Заместитель начальника юридического отдела Московского финансово-юридического университета, кандидат юридических наук, доцент (E-mail: milatarasova@yandex.ru).

² См.: Wolfrum R. Legitimacy of International Law from a Legal Perspective: Some Introductory Considerations // Legitimacy in International Law / Rüdiger Wolfrum and Volker Röben (eds.). Springer, Heidelberg, 2008. P. 6.

³ В Декларации тысячелетия ООН, принятой на Саммите нового тысячелетия, проходившем в Нью-Йорке 6-8 сентября 2000 г., главы государств и правительств отметили, что “существенно важное значение для международных отношений в XXI веке будет иметь ряд фундаментальных ценностей”. К ним относятся: свобода, равенство, солидарность, уважение к природе, общая обязанность.

⁴ См.: Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева. М., 2006. С. 573.

ним “совершаемого по праву, а также внутренне оправдываемого и признанного”⁵. При таком подходе речь идет уже не только о законности, но и о легитимности.

В рамках международного правопорядка правомерность обозначена в формате обеспечения юридической безопасности (совокупность субъективных прав и законных интересов) всех государств – членов мирового сообщества. Поведение государств в рамках добросовестного соблюдения всего комплекса международных обязательств независимо от источника их возникновения определяет собой юридическое содержание понятия “правомерность” в науке и практике современной юриспруденции. Только добросовестное выполнение каждым государством возложенных на него международных обязательств, как справедливо отмечает на этот счет проф. Р.А. Каламкарян⁶, а также добросовестное осуществление признанных за ним субъективных прав создает уверенность в последовательном соблюдении международного права.

Критериями принципа добросовестности являются правдивость, лояльность, уважение права, верность международным обязательствам.

На концептуальном и практическом уровнях принцип добросовестности *bona fide* оценивается, и это вполне верно отмечено на авторитетном научном уровне⁷ согласно универсально признанным стандартам должного, обозначенным в юридических актах и поведении государств. Международное право, предметно учитывая такие субъективные элементы, как умысел, намерение причинить вред определяет их присутствие не через оценку внутренней позиции субъекта права, а через объективное поведение государств, которое в принципе должно соответствовать выработанным юридическим стандартам.

Международное право как целостная и законченная система права создает надлежащие

способы и средства не только для оценки уровня выполняемости универсально признанных стандартов добросовестного поведения государств, но и для обеспечения соблюдения права вообще как в аспекте простого нарушения права, так и в плане выполнения требования принципа добросовестности. Согласно общей теории права органом по оценке правомерности поведения субъектов права и по обеспечению права в режиме верховенства права Rule of Law (по факту вынесенного судебного решения, обязательного для сторон *res judicata*) в общепринятом академическом и практическом понимании выступает суд⁸. В международном праве действует целая система международных судебно-арбитражных органов, которые призваны констатировать правомерность поведения субъектов международных правоотношений и в этом контексте обеспечивать право.

Право ООН, будучи системообразующей основой современного международного права, имеет свой судебный институт. Главным судебным органом ООН здесь выступает Международный суд.

Значимость Международного суда как главного судебного органа Организации Объединенных Наций, справедливо отмечают ученые⁹, определяется его ролью в поддержании юридической безопасности государств – членов мирового сообщества. И действительно, вынося решения, Суд тем самым вносит свой вклад в направлении защиты субъективных прав и законных интересов всех государств – участников международного взаимодействия. В этом смысле можно говорить о том, что включенность Международного суда ООН в процесс последовательного развития современного миропорядка устанавливается его ролью в деле обеспечения выполняемости норм современного международного права. При этом, как справедли-

⁵ Юридический энциклопедический словарь / Под ред. М.Н. Марченко. М., 2003. С. 333.

⁶ См.: Каламкарян Р.А. Принцип добросовестности в современном международном праве. М., 1991. С. 3.

⁷ См.: Каламкарян Р.А. Указ. соч. С. 3; Дмитриева Г.К. Принцип добросовестности в современном международном праве // Правоведение. 1979. № 6. С. 32–36; Тиунов О.И. Принцип соблюдения международных обязательств. М., 1979. С. 77–83; Zoller E. La bonne foi en droit international public. Paris, 1977. P. 35, 36; Cavaré L. La Notion de bonne foi et quelques-unes de ses applications en droit international public: Cours. Institut des hautes études internationales. 1963–1964. Paris, 1965. P. 9, 10; Cot J.-P. La bonne foi en droit international public: Cours. Institut des hautes études internationales. 1968–1969. Paris, 1970. P. 10.

⁸ См.: Dicey J.V. Introduction to the Study of the Law of Constitution. London, 1960. P. 183–206, 328–406; Jennings I. Law and the constitution. London, 1959. P. 148; Cosgrove R.A. Rule of Law: Albert Venn Dicey, Victorian jurist. London, 1980. P. 89; Каламкарян Р.А. Господство права Rule of Law в международных отношениях. М., 2004. С. 10, 11; Зимченко Б.Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. М., 2006. С. 301–320; Автономов А.С. Права человека, правозащитная и правоохранительная деятельность. М., 2009. С. 175–251.

⁹ См.: Каламкарян Р.А. Место и роль Международного суда в современном миропорядке // Гос. и право. 2011. № 9. С. 69–80; Oppenheim's International Law. 9ed. Vol. 1. Peace. Pt. 1. London, 1992. P. 11; Rosenne Sh. Intervention in the International Court of Justice. Dordrecht, Boston, London, 1993. P. 1–79; Szafarz R. The Compulsory Jurisdiction of the International Court of Justice. Dordrecht, Boston, London, 1993. P. 1–17.

во отмечают ученые¹⁰, позитив международного права направлен на всестороннее соблюдение норм международного права в контексте требований принципа добросовестности. Устав ООН в п. 2 ст. 2 устанавливает четкое и однозначное предписание: “Все Члены Организации Объединенных Наций добросовестно выполняют принятые на себя по настоящему Уставу обязательства, чтобы обеспечить им всем в совокупности права и преимущества, вытекающие из принадлежности к составу Членов Организации”.

Добросовестное соблюдение всеми государствами – членами мирового сообщества своих международных обязательств в соответствии с Уставом ООН как прямое предписание режима правомерности в аспекте верховенства права Rule of Law прямо предусматривается решениями международных судебно-арбитражных органов. Конкретно речь идет о решении по делу Trail smelter от 6 апреля 1938 г., решении по делу о применении Конвенции 1902 г. о защите несовершеннолетних от 28 ноября 1958 г., решении по делу о германских интересах в польской Верхней Силезии от 25 мая 1926 г., решении по делу о тюленях Берингова моря 1992 г.¹¹

Позиционирование стандартов добросовестного поведения государств в аспекте поддержания режима правомерности в системе современных международных отношений предопределено обозначенной (А. Мартен¹²) значимостью принципа добросовестности в качестве общего принципа права по смыслу п. 1 ст. 38 Статута Международного суда ООН. Ведя свое происхождение из внутригосударственного правопорядка (*foro domestico*) государств – членов мирового сообщества, “общие принципы права, признанные цивилизованными нациями”, перешли в систему современного международного права в качестве предметной составляющей его источниковой базы. В качестве других примеров (помимо принципа добросовестности *bona fide*) “общих принципов права” по смыслу ст. 38 Статута Международного суда академическая наука и практика международного

права приводят принцип недопустимости злоупотребления правом, принцип недопустимости применения двойного наказания *non bis in idem*, принцип обязательной силы судебного решения как юридический акт органа правосудия, принцип недопустимости наказания без соответствующего закона *nulla poena sine lege*. Все взятые в совокупности “общие принципы права” совместно с международными конвенциями и международным обычаем (другими составляющими источниковой базы современного международного права согласно ст. 38 Статута Международного суда) образуют собой обязывающую основу поведения государств как основных фигурантов по поддержанию режима правомерности в системе международных отношений.

При обстоятельствах, когда принцип добросовестности *bona fide* и принцип недопустимости злоупотребления правом (как два общих принципа права по смыслу ст. 38 Статута Международного суда) обозначают свою главную роль при установлении и поддержании режима правомерности в системе международных отношений, непосредственный академический и практический интерес вызывает сам процесс упорядоченного воздействия права в ситуации определения линии должного поведения субъектов международных правоотношений. И здесь наука и практика международного права (в лице решений международных судебно-арбитражных органов) представляет четкий и однозначный ответ на то, каким должно быть поведение субъектов международных правоотношений в рамках правомерности.

В силу приверженности государств – членов мирового сообщества верховенству права (Декларация тысячелетия 2000 г., Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.) все субъекты международных правоотношений призваны соотнобразовывать свое поведение по линии соблюдения принципа добросовестности, что в реальности означает выполнение требований принципа недопустимости злоупотребления правом. Юридическая безопасность всех субъектов международных правоотношений (совокупность субъективных прав и законных интересов) здесь является общим критерием существа. А это в реальности означает следующее.

В процессе пользования своими правами один субъект международных правоотношений должен соотнобразовывать свое поведение с использованием уже своими правами со стороны другого субъекта международных правоотношений.

Иными словами, пользование правами одних сопряжено с недопустимостью каких-либо по-

¹⁰ См.: Cheng B. General Principles of Law as applied by International Courts and Tribunals. London, 1953. P. 105–163; Rousseau Ch. Droit International Public. Paris, 1970. P. 382–384; Zoller E. La bonne foi en droit international public. Paris, 1977. P. 102–122; Oppenheim's International Law. 9ed. Vol. 1. Peace. Pt. 1. London, 1992. P. 38, 44; Каламкарян P.A. Место и роль Международного суда в современном миропорядке // Гос. и право. 2011. № 9. С. 71.

¹¹ См.: Moore J.B. International Adjudications. New York, 1929. P. 889, 891; CPJL. Serie A. N. 7. P. 30; CIJ Recueil 1958. P. 67.

¹² См.: Martin A. L'Estoppel en Droit International Public. Paris, 1979. P. 221.

сягательств в отношении пользования правами других. И это понятно: все субъекты права юридически равны, а в международном праве они не просто юридически равны, но и суверенно равны. В международном праве действует принцип суверенного равенства всех его субъектов. “Организация (ООН. – Л.Т.) основана на принципе суверенного равенства всех ее Членов”, – записано в п. 1 ст. 2 Устава ООН.

Таким образом, режим пользования правами со стороны всех субъектов международных правоотношений не просто сопоставим, но и соизмерим в плане взаимной соблюдаемости и целостности. Именно в таком аспекте можно говорить о правомерности в системе международных правоотношений. И все это достигается через соблюдение всеми государствами – членами мирового сообщества своих международных обязательств исключительно на основе принципа добросовестности.

Все ссылки здесь на внутреннее право государств абсолютно неприемлемы по существу. В миропорядке на основе верховенства права действует принцип примата применения норм международного договорного и обычного права. Тем самым последовательно и беспрепятственно право призвано быть осуществимым исключительно и только по факту добросовестного соблюдения всеми государствами – членами мирового сообщества своих международных обязательств. Любое отклонение со стороны какого-либо государства от добросовестного соблюдения своих международных обязательств влечет за собой злоупотребление правом, что в принципе недопустимо и по факту, и по существу, поскольку здесь затрагиваются не просто субъективные права другого государства, но осуществляется посягательство на весь режим правомерности в системе современных международных отношений. Государства, чьи субъективные права оказались затронутыми по обстоятельствам недобросовестного соблюдения своих международных обязательств другими государствами, может обратиться в Международный суд с целью защиты своих прав. Международный суд как главный судебный орган ООН (ст. 22 Устава ООН) здесь выступает в качестве гаранта международной законности и правопорядка, выполняя свою роль по обеспечению права в контексте верховенства права Rule of Law. “К ведению Суда, – записано в ст. 36 Статута Международного суда, – относятся все дела, которые будут переданы ему сторонами, и все вопросы, специально предусмотренные Уставом Органи-

зации Объединенных Наций или действующими договорами или конвенциями”.

Международный суд при выполнении своей миссии по обеспечению права использует источники современного международного права согласно ст. 38 Статута Международного суда. Соответственно, при решении переданных ему споров на основании международного права Международный суд применяет международные конвенции; международный обычай как предметное доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы; общие принципы права, а также судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций, но уже в качестве вспомогательных средств для определения правовых норм.

Международный суд как главный судебный орган ООН при осуществлении поставленной перед ним задачи по отправлению международного правосудия принимает без исключения все дела, которые передаются ему сторонами. Так четко и однозначно, как мы видели, зафиксировано в Статуте Международного суда. Процедура обеспечения права (и, соответственно, поддержания режима правомерности в современном миропорядке) как основополагающая функция Международного суда осуществляется по обстоятельствам выносимого судом решения в контексте принципа *res judicata*. Для участвующих в деле сторон решение Международного суда является обязательным. При обстоятельствах, когда какая-либо сторона в деле не выполняет обязательства, возложенные на нее решением Международного суда, другая сторона может обратиться в Совет Безопасности ООН, который может, если сочтет это необходимым, сделать рекомендации или принять меры для приведения решения в исполнение. Однако до настоящего времени каких-либо случаев невыполнения решений Международного суда в практике международных правоотношений не было. Все решения Международного суда последовательно выполнялись всеми государствами – членами мирового сообщества, являвшимися контрагентами по судебному разбирательству в Международном суде. Следовательно, и полномочия Совета Безопасности ООН в части постановлений п. 2 ст. 94 Устава ООН показали себя невостребованными. И это понятно и вполне объяснимо с международно-правовой точки зрения. Международный суд как орган международного правосудия не может отказаться вынести решение за отсутствием или неясностью подлежащей применению нормы права (ст. 11 Образцовых правил арбитражного

процесса, принятых Комиссией международного права ООН в 1958 г.).

Оформленные в рамках принципа запрета *non-liquet* положения ст. 11 Образцовых правил арбитражного процесса, как справедливо констатируется на этот счет учеными¹³, стали частью современного международного права. При этом следует иметь в виду следующее обстоятельство. Принцип запрета *non-liquet*, и это обоснованно отмечается на академическом уровне, имеет все черты общего принципа права по смыслу ст. 38 Статута Международного суда.

Суд как орган правосудия призван (при наличии у него соответствующей компетенции) в любом случае в контексте обеспечения права вынести надлежащее решение. Перенесение этого правила на международный уровень юридически и логически правильно, поскольку отражает в себе заложенную функцию суда как института по обеспечению права и поддержанию правомерности в системе международных отношений.

С одной стороны, не делая различия между спорами, Международный суд, исходя из принципа запрета *non-liquet*, выносит решение по существу дела и тем самым осуществляет функцию органа по обеспечению права и поддержанию общего режима правомерности. С другой стороны, в основе юрисдикции Международного суда лежит согласительная конструкция. И это логически правильно, поскольку в рамках международного правопорядка субъектами права выступают суверенные государства. Наиболее адекватным способом признания юрисдикции Международного суда представляются положения п. 2 ст. 36 Статута Суда, которые предусматривают возможность для государств выступить с односторонним заявлением, в котором они признают без особого на то соглашения, т.е. *ipso facto*, в отношении любого иного государства, принявшего такое же обязательство, юрисдикцию Международного суда обязательной для себя по всем спорам с их участием.

Включенность Международного суда в общую систему по обеспечению права параллельно с заявленной приверженностью государств – членов мирового сообщества верховенству права Rule of Law создает надлежащую институционную основу для поддержания режима международной законности и правопорядка.

На концептуальном и практическом уровнях проблема определения места и значения легитимности в международном праве является сравнительно новой в отечественной правовой науке. В условиях взаимодействия государств – членов мирового сообщества международное право заметно изменяется: расширяется его предметный охват, усиливается его влияние на национальное право, расширяется круг тех, к кому оно обращено, разнообразными становятся процедуры, при помощи которых создаются новые его нормы, а также ценностные установки, на которых базируется международное право.

Учитывая происходящие процессы в международных отношениях, на доктринальном уровне выдвинута точка зрения, согласно которой международное право трансформируется в целостную институционно-правовую систему международного управления под эгидой ООН¹⁴. И действительно, современное международное право приобрело очевидные черты права ООН с его институционными механизмами по обеспечению международной законности и правопорядка.

Зачастую законность и легитимность – явления совпадающие, однако между ними возможны и противоречия. Так, любая власть, избранная и осуществляющая свои полномочия в соответствии с законом, – законна. В то же время она может быть нелегитимна, т.е. не пользоваться авторитетом, не признаваться первичным источником власти. Или другой пример: любые законы, принятые в надлежащих правовых формах и процедурах, – законны. В то же время они могут быть нелегитимными, т.е. не восприниматься и, как следствие, не соблюдаться гражданами, если такие законы не соответствуют нормам справедливости, общедемократическим ценностям, установкам, сложившимся у большинства населения страны.

Профессор Р.З. Лившиц, который одним из первых ввел политологический термин “легитимность” в отечественную теорию права, писал: “Если законность характеризует нормативные акты относительно права, то легитимность отражает соответствие закона в определенное время конкретному типу общественного правосознания”¹⁵.

Поэтому законность выступает как мера объективного (позитивного) права – это соответствие

¹³ См.: Каламкарян Р.А. Международный суд ООН: становление и развитие // Гос. и право. 2011. № 5. С. 62–71; International Law. Being the Collected Papers of H. Lauterpacht. Vol. 2. Part. 1. Cambridge, 1975. P. 213–233.

¹⁴ Heiskanenn V.V. Introduction // Coicaund J.-M., Heiskanenn V.V. (eds). The legitimacy of International Organizations. 2001. P. 22.

¹⁵ Лившиц Р.З. О легитимности закона // Теория права: новые идеи. М., 1995. С. 20.

поведения субъекта права норме права. А легитимность – это мера субъективного права, вытекающая из правоотношений между субъектами права.

Авторитетный российский юрист-международник проф. С.В. Черниченко в своей работе “Очерки по философии и международному праву” отмечает, что «легитимность – понятие естественно-правовое и имеет нравственные корни, наиболее стабильные, наиболее “высокие” нормы человеческой морали в своей основе»¹⁶. Ученый признает, что легитимность во внутригосударственной и международной сферах выходит за пределы позитивного права.

Соотношение законности и легитимности весьма значимо при характеристике правовых норм, явлений и институтов.

Нам представляется, что категория “правомерность” включает в себя в качестве неотъемлемых составных, взаимосвязанных и взаимодополняющих частей оба понятия: и понятие законности, и понятие легитимности.

Следует заметить, что в международном праве термин “правомерность” применяется в разных контекстах, однако в большинстве случаев он служит для обоснования полномочий субъекта и означает его способность принимать обязательные для исполнения решения, создавать имеющие обязательную силу нормы.

Можно выделить три главных элемента, на которых основывается правомерность каких-либо конкретных полномочий, а именно: источник, процедуру и результат.

Во-первых, полномочия могут иметь правомерный характер благодаря источнику своего происхождения.

Правомерность международного публичного права основывается на согласовании воли государств, поскольку специфика международного права состоит в том, что оно является продуктом межгосударственных (межправительственных) договоров. Правомерность проявляется двояко: а) международная правомерность достигается через посредство договоров, заключаемых правительствами; б) таким образом обеспечивается и внутренняя правомерность (законность и легитимность). Иными словами, в идеале правомерны международные соглашения, заключенные законными и легитимными правительствами законных и легитимных государств, не противоречащие

нормам международного права. Источником международной правомерности, таким образом, оказываются внутренняя законность и легитимность государств и правительств.

Однако здесь возникает другая проблема: кто будет судить о легитимности государства и его власти?

Профессор С.В. Черниченко считает, что “в межгосударственной сфере власти государства, как правило, сами оценивают собственную легитимность”¹⁷. Действительно, декларативная теория признания (которая отражает реальное состояние межгосударственных отношений и является господствующей доктриной) основана на том, что государство как субъект международного права или представляющая его власть существуют независимо от их признания другими участниками межгосударственных отношений и что акт признания носит констатирующий характер¹⁸. Сказанное чрезвычайно актуально в современной международно-правовой практике взаимодействия государств – членов мирового сообщества в условиях миропорядка на основе верховенства права.

В этом вопросе нам представляется, что последнее слово все-таки принадлежит международному сообществу в лице универсального межправительственного учреждения – ООН. Речь идет о международно-правовой оценке легитимности появления нового государства или власти в государстве, возникшей неконституционным путем. Дело в том, что мировое сообщество обладает определенными международно-правовыми средствами, способными повлиять на нелегитимное государство или власть (в качестве примера можно привести свержение режима талибов в Афганистане на основе мандата Совета Безопасности ООН).

В доктрине выдвигаются различные условия, например проф. Ф. Тесон считает, что международно-правовая легитимность “должна предписывать, чтобы государства уважали права человека как предварительное условие для присоединения к международному сообществу”¹⁹.

Полномочия международных организаций имеют правомерную основу в том случае, если реше-

¹⁷ Там же. С. 747.

¹⁸ См.: Абашидзе А.Х., Гликман О.В. Международно-правовое признание и правопреемство государств // Международное право. Учеб. / Отв. ред. А.Н. Вылегжанин. М., 2009. С. 141–163.

¹⁹ Teson F.R. A Philosophy of International Law. Boulder, Colo, 1998. P. 2.

¹⁶ Черниченко С.В. Очерки по философии и международному праву. М., 2009. С. 745.

ние принимается в ходе определенных процедур, которые отвечают соответствующим требованиям и являются законными. Нормы, касающиеся создания международных организаций, а также правила, касающиеся процессов принятия решений, следует рассматривать именно с этой точки зрения.

Например, согласно п. 3 ст. 27 Устава ООН решения Совета Безопасности по непроцедурным вопросам «считаются принятыми, когда за них поданы голоса девяти членов Совета, включающие совпадающие голоса всех постоянных членов» (правило единогласия). Несмотря на то что правило единогласия в Совете Безопасности с самого начала создания ООН вызывает горячие споры среди государств – членов ООН, но именно оно является механизмом сдерживания и противовесом и служит инструментом для выработки и принятия взвешенных, согласованных решений, которые в конечном счете будут правомерными.

Кроме того, полномочия будут правомерными в том случае, если международный орган действует в рамках своей компетенции и изначально полученного мандата.

Институционно-правовая система ООН представляет конкретный пример значимости вклада органа ООН по линии выполнения целей Устава ООН (речь идет о Совете Безопасности), на который возложена главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности (ст. 24, 25 Устава ООН).

Государства – члены мирового сообщества, выражая свое согласие в том, что при исполнении Советом Безопасности его обязанностей, вытекающих из главной ответственности за поддержание международного мира и безопасности, он действует от их имени, обозначили полномочия Совета Безопасности в гл. VI, VII, VIII и XII Устава ООН.

Международно-правовое позиционирование Совета Безопасности конкретно обозначило, как справедливо отмечают ученые (проф. Аби-Сааб²⁰), вклад правотворческой деятельности Совета Безопасности ООН в поддержание международного мира и безопасности в процессе прогрессивного развития современного международного права и его институтов. В частности, осуществляя свою деятельность в рамках своих полномочий согласно гл. VI, VII, VIII и XII Устава ООН, Совет Без-

опасности выступал в качестве международного законодателя в отношении борьбы с международным терроризмом²¹ и нераспространением оружия массового уничтожения. Учреждение уголовных судов *ad hoc* (Международных уголовных трибуналов по бывшей Югославии и по Руанде) также можно рассматривать как действия по установлению новационных правовых норм.

Правотворческая деятельность Совета Безопасности ООН по направлению поддержания международного мира и безопасности (в качестве политической составляющей современного миропорядка), как обоснованно констатируется в науке²² и практике (дело Локеби, постановление Международного суда от 14 апреля 1992 г.) международной юриспруденции, юридически сопряжена с деятельностью Международного суда как главного судебного органа ООН.

Первоначальное согласие государств на то, что Совет Безопасности при исполнении своих обязанностей, вытекающих из главной ответственности за поддержание международного мира и безопасности, действует от их имени, представляет собой нормоустанавливающую базу всей деятельности Совета Безопасности ООН.

Современный этап функционирования универсальных международных организаций характеризуется их предметной включенностью в международный нормотворческий процесс в аспекте их конкретных полномочий, функций и задач. При этом, как правильно отмечается учеными²³, первоначально обозначенный (в уставных актах организаций) мандат доверия со стороны государств – членов мирового сообщества призван быть соблюдаемым в рамках международной законности и правомерности.

Наряду с ООН к универсальным международным институтам глобального значения и управления относят те международные организации, которые созданы на многосторонней основе с общемировым членским составом, а именно: Всемирную торговую организацию (ВТО) (156-м

²⁰ См.: *Abi-Saab G.* The Security Council as legislator and as Executive in its fight against Terrorism and against proliferation of Weapons of mass destruction: The question of legitimacy. 2007. P. 109.

²¹ См.: UN Doc. S/Res.1373 (2001), 28 September 2001; UN Doc. S/Res.1540 (2004), 28 April 2004; UN Doc. S/Res.1673 (2006), 27 April 2006.

²² См.: *Tomuchat C.* The Lockbie case before the ICJ // The International Commission of Justice. The Review. 1992. № 48. P. 38–48; *Frank T.* The power of appreciation: who is the ultimate guardian of UN legality // *American Journal of International Law*. 1992. Vol. 86. P. 519–523; *Каламкьян Р.А.* Господство права Rule of Law в международных отношениях. М., 2004. С. 451–488.

²³ См.: *Alvarez J.E.* Constitutional interpretation in international organizations // *Coicaud J.-M., Heiskanen V.V.* (eds). The legitimacy of International Organizations. 2001. P. 18.

членом которой недавно стала Россия), Международный валютный фонд (МВФ), различные экологические организации, судебные учреждения, в том числе недавно учрежденный Международный уголовный суд (МУС). Ратификация Статута Россией находится на стадии законотворческой проработки проблемы. В рамках заявленной приверженности верховенству права Россия проводит активный внешнеполитический курс на поддержание международной законности и правопорядка. Данные организации в рамках своих функциональных правомочий проводят работу по мировому строительству универсально действующего миропорядка на основе права и справедливости. И здесь позитив всех принципов международного права подтверждает всю свою значимость.

Качественные показатели международного сообщества в части мирового строительства универсального правового пространства, формируются в режиме функциональной, с одной стороны, компетенции международных организаций формата ООН, а с другой – через соблюдение общепризнанных принципов международного права, в частности принципов государственного суверенитета, невмешательства во внутренние дела государств, суверенного равенства всех государств – членов мирового сообщества. Режим правомерности во взаимодействии по линии государства – универсальные международные организации поддерживается в аспекте сотрудничества на основе права. Два субъекта международного права – государства и международные организации – призваны укреплять сотрудничество, как, впрочем, и любые другие субъекты международных правоотношений, исключительно и только на основе принципа добросовестности. Государства и международные организации пользуются своими правами в той степени, в какой они не нарушают прав контрагента. Пользование правами идет до той границы, за которой не соблюдается принцип недопущения нарушения прав другого субъекта права. И это правило равноценно применяется в отношении всех действующих субъектов международных правоотношений. Последовательное выполнение правила добросовестного взаимодействия субъектов международных правоотношений обозначает себя в контексте должного. Тем самым правомерность получает конкретные юридические очертания.

Правомерность как добросовестное поведение всех субъектов правоотношений сопоставима в контексте современного миропорядка с легитимностью как пониманием соответствия юри-

дических актов, принимаемых международными институтами и организациями, общему правосознанию человечества. Правомерность и легитимность, будучи сопоставимыми друг с другом, призваны существовать воедино и действовать в параллельном режиме в рамках универсального человеческого социума. Международный правопорядок – это тот универсально признанный человеческий социум, в котором правомерность и законность призваны работать на поддержание режима верховенства права Rule of Law в международных отношениях. Это – тот конечный результат, на который должны ориентироваться все субъекты международных правоотношений сообразно общим целям Устава ООН. Однако реально в практике международных отношений имеют место и нарушения норм международного права и недобросовестное их соблюдение. Это, как известно, одинаково неприемлемо с точки зрения современных требований права и справедливости. Соответственно, возникает вопрос: означают ли происходящие в международном праве изменения, что оно утратило в целом или частично необходимую юридическую силу, обеспечивающую его исполнение и являющуюся основой его легитимности?

Многие зарубежные исследователи сегодня отвечают на этот вопрос положительно.

Признанный авторитет российской науки международной юриспруденции проф. С.В. Черниченко, наоборот, справедливо считает, что, “какие бы ни претерпевали изменения подходы к легитимности государств и их власти в международном праве, о легитимности межгосударственного сообщества в целом речи идти не может”²⁴. Действительно, отдельные случаи нарушения норм международного права, равно как и недобросовестного их соблюдения, никак не могут свидетельствовать в пользу отсутствия права или его несовершенства.

Международное право ориентировано на соблюдение на основе принципа добросовестности всего корпуса международно-правовых норм и, соответственно, на санкционирование случаев нарушения права или недобросовестного его исполнения. В рамках заявленной приверженности государств верховенству права отдельные случаи прямого нарушения права или невыполнения предписаний добросовестного поведения получают надлежащую юридическую оценку со стороны мирового сообщества в лице меж-

²⁴ Черниченко С.В. Очерки по философии и международному праву. С. 748.

дународных судебно-арбитражных органов как органов по обеспечению права и поддержанию режима правомерности в международных отношениях.

На концептуальном и практическом уровнях мы полностью согласны с мнением проф. С.В. Черниченко. Вместе с тем мы считаем обоснованным говорить о дальнейшем развитии международного права с целью укрепления его легитимности. В этом отношении можно выделить два подхода в международно-правовой доктрине, диаметрально противоположных по своей сути.

Сторонники первого подхода считают, что международному праву следует повысить уровень законности, в частности в сравнении с национальным уровнем институционно-правового управления государства, и по этой причине «международное право следует наделить меньшими властными полномочиями»²⁵. Развитие международного права и повышение его правомерности сторонники данного подхода видят в усилении влияния национальных парламентов и национальных исполнительных органов на международные отношения.

Приверженцы другого подхода, напротив, полагают, что в результате происходящих в мире глобальных изменений возникает необходимость в увеличении роли международного права в целом и изменении статуса международных организаций – их влияние и уровень ответственности должны быть повышены в целях создания структур, которые возьмут на себя выполнение

государственных функций²⁶. Современное международное право, как считают сторонники этой концепции, вышло на новый качественный уровень, который можно охарактеризовать как международное правление, правомерность которого необходимо признать.

Проблема укрепления современного международного права и обеспечения общего режима правомерности в системе международных отношений приобретает все большую значимость.

Применение права осуществляется государствами как создателями и основными его исполнителями. Соответственно, государства должны обеспечивать необходимую легитимность права с точки зрения действующего правосознания человечества. Согласие государств и использование национальной процедуры для имплементации международных обязательств, включая последующее одобрение полномочными национальными органами власти, являются главным источником обеспечения правомерности. Дополнительные возможности могут быть изысканы и на международном уровне. Основное внимание здесь должно быть уделено обеспечению режима правомерности в контексте институционно-правового строительства мирового порядка.

Позитивное развитие современного международного права и его институтов позволяет поддерживать режим правомерности. Обладая действенными механизмами по обеспечению права (в лице международных судебно-арбитражных органов), международное право ориентировано на выработку общепризнанных, универсальных стандартов законности и легитимности одновременно.

²⁵ Young E.A. The Trouble with Global Constitutionalism // *Texas International Law Journal*. 2003. № 38. P. 527; Rabkin J. Law Without Nations? Why Constitutional Government Requires Sovereign States. 2005. P. 69, 70.

²⁶ См.: Falk R., Strauss A. On the Creation of a Global Peoples Assembly: Legitimacy and the Power of Popular Sovereignty // *Stanford Journal of International Law*. 2000. № 36. P. 191.